

DOI: 10.31857/S0130386425010018

© 2025 г. Л.С. БЕЛОУСОВ, Л.В.БАЙБАКОВА

РЕЖИМ МУССОЛИНИ: КОНЦЕПЦИЯ КОНСЕНСУСА В ЗАРУБЕЖНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ XXI века

Белоусов Лев Сергеевич – доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии образования, и.о. декана исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, заведующий кафедрой новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета МГУ (Москва, Россия).

E-mail: lbelousov@olympicuniversity.ru

Scopus Author ID: 57198303575; Researcher ID: Y-8445-2018; ORCID: 0000-0002-0567-3912

Байбакова Лариса Вилоровна – доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Европы и Америки исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

E-mail: lbaibakova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57237986400; ORCID: 0000-0002-9433-0478

Аннотация. В продолжение статьи, опубликованной в № 6 за 2024 г., рассматривается развитие проблемы консенсуса в итальянском обществе в годы режима Муссолини в итальянской и англоязычной историографии в XXI в. Авторы выделяют характерные черты трех основных итальянских историографических школ: сторонников «прогрессивно-демократического» блока (П. Корнер, П. Каннистраро, М.Э. Хаметц, Э. Джентиле), ревизионистов (т.е. наследников Р. Де Феличе: П. Бернхард, К. Дагган, К. Феррис, М. Эбнер, Л. Ла Ровере) и постревизионистов (Р. Пергер, Дж. Альбанезе, А. Кальотти, А. Гальярди, Ф. Кордова). Изучена острая полемика между представителями противоборствующих школ (Корнер vs Бернхард). Споры вновь разгорелись вокруг выводов об ответственности итальянского народа за длительное господство режима Муссолини, характера, содержания и периода консенсуса. Активное включение в дискуссию англоязычных авторов было отчасти основано на новых источниках и методах исследования, позволивших выявить не изученные должным образом компоненты консенсуса в ежедневной жизни, кинематографе, среди женщин, студентов, ученых и крупных предпринимателей. Расширение дискуссии на уровень локальной истории углубило раскол в итальянской историографии в оценке взаимодействия фашистского режима с массами и степени его проникновения в общество. Авторы отмечают как достоинства, так и методические и методологические изъяны в работах представителей всех историографических школ.

Ключевые слова: режим Б. Муссолини, итальянский фашизм, Италия, консенсус, историография итальянская, историография американская, историография английская.

L.S. Belousov, L.V. Baybakova

The Mussolini Regime: The Concept of Consensus in International Historiography of the 21st Century

Lev Belousov, Acting Dean of the Faculty of History at the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: lbelousov@olympicuniversity.ru

Scopus Author ID: 57198303575; Researcher ID: Y-8445-2018; ORCID: 0000-0002-0567-3912

Larisa Baybakova, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

E-mail: lbaibakova@yandex.ru

Scopus Author ID: 57237986400; ORCID: 0000-0002-9433-0478

Abstract. Building upon the findings outlined in the article published in the 2024 sixth issue, the present study undertakes an in-depth examination of the evolution of the concept of consensus within the context of Italian society during the Mussolini regime. This analysis draws upon both Italian and English-language historiographies of the 21st century, offering a comprehensive and nuanced perspective on the subject. The authors of the present study identify the distinguishing characteristics of the three major Italian historiographic schools. Firstly, the “progressive and democratic” bloc, which includes Paul Corner, Philip V. Cannistraro, Maura E. Hametz, and Emilio Gentile. Secondly, the revisionists, often considered successors of Renzo De Felice, with notable figures such as Patrick Bernhard, Christopher Duggan, Kate Ferris, Michael Ebner, and Luca La Rovere. Finally, the postrevisionist school, comprising Roberta Pergher, Giulia Albanese, Angelo Caglioti, Alessio Gagliardi, and Ferdinando Cordova. The study provides an in-depth analysis of the ongoing debate between the representatives of the two conflicting schools, Corner and Bernhard. The discussion centered on the responsibility of the Italian people for the prolonged duration of Mussolini’s regime and the content and period of consensus. The active involvement in the discussion of English-language authors was partly based on new sources and research methodologies that revealed previously overlooked components of consensus in everyday life, cinema, among women, students, academics, and major entrepreneurs. Expanding the discourse into the domain of local history further exacerbated the schism within Italian historiography concerning the assessment of the Fascist regime’s interactions with the general populace and the extent of its societal infiltration. The authors underscore the merits, in addition to the methodological limitations, of the works by representatives of various historiographic schools.

Keywords: Benito Mussolini regime, Italian fascism, Italy, consensus, Italian historiography, American historiography, English historiography.

Начало XXI в. удивило представителей профессионального цеха историков, занимающихся изучением «черного 20-летия» в Италии: дискуссии о консенсусе¹ не только не утихли, но опять разгорелись и обрели новые черты.

Во-первых, интерес к этой теме привлек внимание англоязычных коллег, взглянувших на общественные настроения в период фашизма под иным углом и предложивших некоторые новые подходы к их изучению. Во-вторых, широкое распространение получил историко-сравнительный метод анализа, выявляющий особенности итальянского фашизма на фоне других тоталитарных режимов в межвоенный период. В-третьих, возрос интерес авторов к истории повседневности, быта и тем элементам в поведении масс, которые косвенно помогают выяснить восприятие итальянцами идеологии и практики фашизма. Современных историков меньше интересовали инструменты распространения фашистской субкультуры и методы обеспечения консенсуса. Большой упор делался на конечные результаты, на рецепцию снизу, восприятие и усвоение насаждаемых в массовом сознании

¹ Белоусов Л.С. Режим Муссолини: концепция консенсуса в современной историографии // Новая и новейшая история. 2024. № 6. С. 5–20. DOI: 10.31857/S0130386424060017

постулатов. При этом само понятие «народные массы» также подверглось критическому анализу. В результате были структурированы и выделены несколько социальных категорий, которые отличались друг от друга своим отношением к режиму Муссолини, мотивацией и формой его поддержки. В-четвертых, тезис Р. Де Феличе о широком общественном консенсусе подвергся более тщательному анализу как с точки зрения его углубления и обоснования, так и с критических позиций, доказывающих его необоснованность. Ряд историков усомнился даже в целесообразности использования самого термина «консенсус», предложив заменить его на «согласие», «компромисс» и т.д. Наконец, был существенно расширен круг источников, опосредованно отражающих формирование и динамику умонастроений масс: видео эпохи, песни, письма, дневники, многочисленные воспоминания пополнили базу исследований наряду с ранее изученными официальными документами, отчетами должностных лиц и информаторов тайной полиции.

В современной итальянской и англоязычной историографии по-прежнему выделяются три течения, так или иначе связанные с тезисом Де Феличе о широком распространении в обществе конформизма и консенсуса. Представителей первого течения можно условно обозначить как наследников «прогрессивно-демократического» блока. Их взгляды уходят корнями в антифашистскую традицию оправдания широких народных масс. Второе течение может быть названо «ревизионистским». Оно восходит к работам Де Феличе и вновь обосновывает тезис об ответственности различных слоев населения за длительное господство фашизма, а режим Муссолини считает практически безвредным для общества по сравнению с диктатурами Гитлера и Сталина. К третьему течению можно отнести работы, авторы которых занимают промежуточную позицию, утверждая в более-менее равной степени роль насилия и добровольного массового согласия с режимом, объединяя тем самым оба нарратива в новый синтез. В современной Италии в условиях роста популярности правых и правоцентристских партий каждая из обозначенных позиций обретает политический окрас, что придает эмоциональную остроту историографическим дебатам и конъюнктурное использование итогов исследований.

Продолжатели антифашистского направления по-прежнему многочисленны. Они публикуют новые исследования и переиздают более ранние работы, не утратившие научной актуальности. Так, была вновь опубликована фундаментальная работа 1975 г. американского историка Ф. Каннистраро «Фабрика согласия. Фашизм и масс медиа»². Автор вскрывает методику действий власти по формированию «интегрированного» общества, объединенного новыми «ценностями» фашизма, и приходит к выводу о фактическом слиянии фашистской культуры и пропаганды. Термин «консенсус» Каннистраро заменяет на понятие «интеграция общества», поскольку речь идет именно об осмыслинной политике формирования массовой поддержки режима с использованием культуры как основного рычага управления общественными настроениями. Особое внимание он обращает на роль нового административного инструмента – Министерства народной культуры. Пресса, радио и кинематограф превратились в ключевые рычаги культурной политики фашизма, интеллектуальная автономия индивида сокращалась, силы и энергия культурно развитых групп направлялись на службу политическим интересам режима и формирование *homines novi*. Именно в этом, по мнению Каннистраро, заключалась фашистская «культурная революция»³. Таким образом, автор не рассматривает прямое насилие над творческой интелигенцией в качестве одного из инструментов культурной политики. В Италии этот рычаг управления действительно использовался значительно реже и был существенно мягче, чем в гитлеровской Германии, но всегда оставался в инструментарии власти. Более того, его применение усилилось в конце 1930-х – начале 1940-х годов. Тем не менее концепция Каннистраро по-прежнему выглядит убедительно, предложенный автором термин «фабрика

² Cannistraro P.V. La fabbrica del consenso. Fascismo e mass media. Milano, 2022.

³ Ibid. P. 3–11.

согласия» обрел нарративную значимость, а книга сохранила особое место в арсенале антифашистских авторов.

Активное вхождение в историографические дебаты о консенсусе англоязычных историков связывают прежде всего с британским исследователем П. Корнером, много лет работавшим в Италии. Он является ярким представителем антифашистского течения. В XXI в. работы Корнера заняли центральное место в итальянской историографии, посвященной изучению фашизма в ракурсе его восприятия массами.

Первая заявка на активное включение в дискуссию была сделана Корнером в 2012 г. Под его редакцией вышел в свет сборник статей «Тоталитарный консенсус. Общественное мнение и народное мнение при фашизме, нацизме и коммунизме»⁴. Основной целью авторы ставили изучение не столько «общественного мнения» (*opinione pubblica*), сколько «народного мнения» (*opinione popolare*). Если первое является продуктом тоталитарной диктатуры, то второе отражает существование такого феномена, как *Eigen-Sinn*, которое можно перевести с немецкого как внутреннее пространство, личная сфера, способность к независимому мышлению. По мысли Корнера, сформулированной во введении, анализ народного мнения в исторической литературе прошел сложный путь развития. Причины этого он видит, во-первых, в схематичном, чрезвычайно упрощенном подходе к изучению тоталитарных режимов во время холодной войны. Согласно распространенной в западной историографии интерпретации, широкие слои населения были или запуганы мощью репрессивного аппарата, или сплошь подвержены массированной пропаганде, или находились под комбинированным воздействием обоих инструментов насилия, что предопределило их пассивность, а значит – роль жертвы. Во-вторых, в сложности самого предмета исследования. Непростое выявление источников и трудности их интерпретации повлияли на позднюю разработку историками этой темы. В-третьих, определение понятия «народное мнение» потребовало своего времени. Корнер приходит к выводу, что упрощенное видение народного мнения сквозь призму интерпретаций, характерных для периода холодной войны, уже не может удовлетворить историка. Более того, не только бинарный подход к определению «жертва – палач», но и однозначность отношения масс к тоталитарному режиму по формуле «согласие – несогласие» также ставится авторами сборника под сомнение. По их утверждению, большинство населения в своем отношении к режиму оказалось между двух крайностей. Наконец, политизированность изучения народных настроений ставила исследователей этой проблематики под удар обвинений в ревизионизме и оправдании существования тоталитарных режимов их поддержкой со стороны масс.

Корнер подчеркивает исключительную важность и необходимость для тоталитарных режимов создания видимости благой социальной реальности и идеальной модели «нового человека». Однако эти режимы придавали разную степень значимости ассимиляции обществом идей и «ценностей» тоталитарной идеологии. По мнению Корнера, итальянский фашизм на фоне прочих был мало заинтересован во внутренней трансформации индивида по лекалам новых канонов. Его больше интересовали внешние проявления массовой поддержки, а не переориентация мышления граждан в заданном направлении⁵. При этом пропагандистские постулаты и «ценности» режима обладали, как считает автор, небольшим потенциалом убеждения, что в итоге привело к неспособности придать больший вес вымыщенной реальности относительно действительности. Бытовые невзгоды в фашистской Италии не восполнялись предоставляемыми режимом бонусами, а «диктатура благосостояния», предполагавшая доступ к ограниченным ресурсам, не компенсировала экономические трудности, коррупцию и контроль в социальной сфере⁶.

⁴ Il consenso totalitario. *Opinione pubblica e opinione popolare sotto il fascismo, nazismo e comunismo / a cura di P. Corner.* Roma; Bari, 2012.

⁵ Попутно отметим, что нам трудно согласиться с этим утверждением, поскольку Муссолини не только постоянно ставил эту задачу, но и прикладывал усилия для ее выполнения.

⁶ Il consenso totalitario. Р. 5–21.

Корнер тщательно обосновывает задачу продолжения изучения локальной истории фашизма. Во-первых, потому что именно капиллярная структура Национальной фашистской партии (PNF) должна была гарантировать массовую поддержку фашистскому режиму; во-вторых, потому что в Италии народное мнение формировалось в большей степени как реакция на местные события, нежели на события национальной или международной жизни⁷. Более того, коррупция и спекуляция, широко распространенные среди местных фашистских иерархов, порождали враждебное отношение населения и, как следствие, вели к «общему чувству дистанцированности» от фашистской власти. Отсутствие видимой благоприятной перспективы укрепляло политическую апатию населения и обуславливало его отдаление от провинциальных органов фашистской партии. С течением времени эти явления усугубились, что было связано с угрозой войны на стороне немцев, ожиданием негативных последствий для Италии в случае победы последних, высоким уровнем безработицы, нехваткой товаров широкого потребления и ростом цен. Если при этом согласиться с утверждением автора, что многие простые итальянцы отличали «правильный фашизм» от его «неправильной интерпретации» провинциальными бонзами на местах, то фигура дуче в течение длительного времени оказывается подверженной эффекту «двойной реальности»: только Муссолини благодаря своей харизме сумел длительное время поддерживать равновесие между безрадостной действительностью и счастливой видимостью будущего, обещанного фашистами. До конца 1930-х годов именно он воплощал все «добротели» фашизма и был центром притяжения народных чаяний. Тем не менее среди основных неудач режима Корнер указывает на неспособность Муссолини в конечном счете убедить массы в своих «великих» идеях и повести за собой. В отличие от нацистской Германии, где повышение ее международной роли сопровождалось народным энтузиазмом, в Италии имперские амбиции дуче быстро теряли свою привлекательность на фоне финансовых проблем, которые гораздо больше волновали население, нежели вопросы национального престижа⁸.

Проводя сравнительный анализ с Германией и СССР, Корнер утверждает, что в Италии тоталитарный режим добился весьма ограниченного консенсуса масс в отношении «ценностей» фашизма. Это связано, во-первых, с тем, что режим был установлен насильственным путем и источник его легитимности вызывал сомнения. Во-вторых, с тем, что из-за строгого контроля над ресурсами и их несправедливого распределения режим нарушил некий негласный договор с населением, вследствие чего лишился его поддержки. В-третьих, с тем, что призыв Муссолини к внешней экспансии и укреплению военным путем национального престижа не получил должного отклика в массах⁹. На наш взгляд, Корнер явно недооценил подъем националистических настроений в стране в связи с победой над Эфиопией и провозглашением империи. Волна народного энтузиазма действительно спала довольно быстро, но достигла своего пика в 1936 г.¹⁰

В вышедшей в Италии в 2015 г. монографии «Фашистская Италия. Политика и народное мнение во время диктатуры» Корнер предлагает ответ на вопрос о реакции населения на деятельность PNF и результатах проводимой партией политики на местах. Он ставит и более амбициозную задачу – проанализировать фашистскую политику создания на базе «ценностей» режима единой нации в рамках сплочения жителей различных областей, сильно отличающихся друг от друга. При этом основной силой формирования «новой Италии», по замыслу дуче, должна была стать фашистская партия. Именно с неудачей деятельности PNF, ее коррумпированностью и негативным образом среди населения на местах Корнер связывает провал задачи по формированию широкого консенсуса, а значит, нового итальянского общества как такового. И в этом случае нам есть что возразить, поскольку провал указанной задачи был связан не только и даже не столько с дискредитацией PNF

⁷ Corner P. L'opinione popolare nell'Italia fascista degli anni Trenta / Ibid. P. 135.

⁸ Ibid. P. 142–149.

⁹ Ibid. P. 150.

¹⁰ См.: Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М., 2000. С. 269–288.

в глазах населения, сколько с пагубной для Италии политикой сближения с гитлеровской Германией, приведшей к усилению агрессивности режима Муссолини, принятию расовых законов, отторгнувших значительную часть общества, германизацией образа жизни итальянцев, ростом опасений за собственную жизнь в связи с нарастанием угрозы войны, экономическими неурядицами и многими другими факторами¹¹.

В итоге Корнер ставит под сомнение само употребление термина «консенсус», поскольку его применение в отношении широкого спектра действий в рамках так называемого консенсусного поведения некорректно. В тоталитарном обществе, где внешне выраженное согласие основано на прямом или косвенном насилии, по мнению Корнера, консенсус не имеет права на существование, так как свободное выражение мнения невозможно, а выраженное не соответствует действительности.

На этом основании, в отличие от многих других авторов, Корнер утверждает, что фашистский режим вступил в кризисную фазу задолго до начала войны. Его разложение было спровоцировано не военными неудачами, а крахом процесса самоотождествления населения с фашизмом, что стало очевидным уже к середине 1930-х годов¹². Автор также приходит к выводу, что фашизму не удалось утвердиться на местном уровне, что «Италия оказалась сильнее фашизма, сохранив за 20 лет характерные черты страны, местные законы и компромиссные подходы к федеральной политике, не дав реализоваться центристским намерениям режима», что «фашизм достиг своего предела у ворот большинства итальянских городов»¹³.

Нельзя не согласиться с Корнером в том, что региональные различия Италии, в том числе в особенностях системы управления и принятия решений, сохранились в условиях централизации власти и зачастую имели решающее значение. Достаточно упомянуть тот факт, что они сохраняются до сих пор и находят реальное отражение в современной политике. Однако явным преувеличением звучит утверждение, что «фашизм достиг своего предела у ворот большинства итальянских городов», иначе он вряд ли продержался бы у власти почти 20 лет. Можно согласиться, что режим Муссолини вступил в полосу кризиса до войны. Однако предложенные Корнером хронологические рамки не выдерживают критики. Кризис действительно назревал постепенно, лишь со второй половины 1930-х годов, когда явно обозначились трещины в фундаменте диктатуры, связанные с падением популярности режима и авторитета самого дуче и ростом общего критического настроя в обществе, в том числе среди выросшей при фашизме молодежи. Этот процесс был многофакторным, связанным не только с «самоотождествлением» населения с фашизмом, но с многими иными (экономическими, социальными, политическими, моральными, психологическими) аспектами в жизни общества¹⁴.

Полное несогласие с выводами Корнера выразил активно пишущий на английском языке немецкий историк П. Бернхард. В работе «Переосмысление итальянского фашизма: новые направления в историографии европейской диктатуры», вызвавшей широкий резонанс в профессиональном сообществе, он предпринял попытку обобщить и критически оценить современную историографию, посвященную изучению общественных настроений в период режима Муссолини¹⁵.

По его мнению, монография Корнера является не новаторским, а весьма традиционным исследованием. Во-первых, из-за методики исследования. Намеренно отказываясь от истории культуры, Корнер использует социальную траекторию развития общества, возрождая метод, который был доминирующим в 1970-е годы. Это классический подход

¹¹ Там же. С. 289–313.

¹² Corner P. Italia Fascista. Politica e opinione popolare sotto la dittatura. Roma, 2015. P. 25.

¹³ Ibid. P. 19.

¹⁴ О нарастании кризиса фашистского режима в Италии в отечественной литературе см.: Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. М., 1973; Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы.

¹⁵ Bernhard P. Renarrating Italian Fascism: New Directions in the Historiography of a European Dictatorship // Contemporary European History. 2014. № 23 (1). P. 151–163.

«сверху вниз»: фашистская партия не смогла стать эффективным инструментом обеспечения массовой поддержки режима, не смогла перенести идеологию правящей элиты из Рима в провинцию. Автор, по мнению оппонента, ссылается на неодобрительное отношение населения к режиму Муссолини, делая вывод, что общество в целом отвергало фашизм¹⁶. Иными словами, он пишет историю «реально существовавшего фашизма», который состоит из организационных структур, но эта методика устарела. Во-вторых, в качестве источников Корнер использует преимущественно правительственные документы. Это дает основания Бернхарду заявить, что такие источники недостаточно репрезентативны, а применимость выводов на их основе весьма ограничена: насколько «реально существующий фашизм», описанный Корнером, был на самом деле «реальным», еще предстоит выяснить. В-третьих, Бернхард ставит под сомнение предположение Корнера, что можно обозначить линию раздела между «настоящими фашистами» и населением. «Похоже, что для Корнера лишь те, кто носил фашистскую форму, были настоящими фашистами. Однако такая точка зрения упускает из виду тот факт, что фашизм возник в центре итальянского общества»¹⁷, т.е. имел серьезные корни.

Бернхард критически относится и к утверждению Корнера, что «фашизм был обречен на провал, поскольку его видение создания нового человека было абсолютно утопичным». По его мнению, этим выводом, сделанным в самом начале исследования, Корнер упустил реальную возможность генерировать новые идеи.

В недавно вышедшей монографии «Фашистская диктатура. Консенсус и контроль в Двадцатилетии»¹⁸ Корнер, знакомый с критикой Бернхардта¹⁹, более подробно рассматривает изучаемый феномен методом компаративного анализа. Автор по-новому ставит вопрос об источниках изучения взаимоотношений общества и власти. Дополняя традиционные для этой темы источники (секретные донесения агентов и рапорты полиции, мемуары, частная переписка, дневники), Корнер использует методику немецкой историографической школы изучения материальной культуры (*Alltagsgeschichte*). Основное внимание представителей этой школы сосредоточено на изучении (бес)сознательного каждого дня поведения населения и общественных практик, в которых так или иначе могли отражаться «ценности» и постулаты тоталитарных идеологий в случае их массовой ассимиляции.

Следуя этой методике, Корнер рассматривает два параллельных измерения, в которых находились объекты исследования – социальное и культурное. Материальная история (социальный аспект), по его мнению, не может быть до конца понята без культурно-идеологической составляющей (культурный аспект). Он говорит об отсутствии элементов бытового расизма в итальянском обществе до 1938 г. вследствие слабого влияния фашистской идеологии на население (в отличие от Германии). Пример неудачен, поскольку в официальных документах фашистского движения и PNF вплоть до опубликования «Расового манифеста» в июле 1938 г. антисемитских тезисов не содержалось.

Корнер вновь развивает мысль о неспособности фашизма, в отличие от нацизма, сократить расстояние между «реальностью», искусственно создаваемой идеологией, и действительностью, с которой приходилось иметь дело людям. Муссолини, чей режим за 20 лет исчерпал свой изначальный мобилизационный потенциал, «не повезло» в отличие от Гитлера, чей режим в конце 1930-х годов был на пике популярности. Автор вновь повторяет оспариваемый оппонентами тезис, что разочарование населения в режиме Муссолини произошло задолго до вступления Италии во Вторую мировую войну, и приходит к выводу, что в перечень неудач дуче, ставших причиной краха диктатуры, следует включить и провал мобилизационной политики по созданию широкой консенсусной базы режима. Автор настаивает, что отношение населения к режиму в 1930-е годы «не может быть

¹⁶ Этот вывод, на наш взгляд, действительно требует дополнительного обоснования.

¹⁷ Bernhard P. Op. cit. P. 154.

¹⁸ Corner P. La dittatura fascista. Consenso e controllo durante il Ventennio. Roma, 2017.

¹⁹ Corner P. The Party and the People: Totalitarian States and Popular Opinion // Contemporary European History. 2015. № 24 (2). P. 303–308.

интерпретировано как консенсус», во всяком случае в общепринятом значении этого слова²⁰. Нам остается лишь подчеркнуть еще раз свое согласие с тезисом о развале консенсуса, но, в отличие от автора, мы полагаем, что этот процесс развернулся не ранее второй половины третьего десятилетия XX в.

Приведем пример еще одной монографии, которую можно условно включить в перечень работ «антифашистской» школы. Речь идет о работе американского историка М.Э. Хаметц «Во имя Италии: нация, семья и патриотизм в фашистском суде»²¹. Ее главный тезис состоит в том, что национализм, католицизм, кампанелизм и семья были мощными проводниками идентичности, которые фашистская идеология не смогла преодолеть в целях формирования «нового человека». Хаметц исследует отношения фашистского режима с гражданами на примере отдельных судебных исков в Триесте, где проживало словенское меньшинство. В центре исследования – история Луизы Паулович, которая в начале 1930-х годов подала иск против итальянизации своей далматинской фамилии, и суд встал на ее сторону.

Из этого и других единичных фактов автор делает ряд далеко идущих выводов. Так, она утверждает, что усилия режима по привитию гражданской судебной власти фашистской идеологии не увенчались успехом, и Италия в годы «черного 20-летия» осталась государством, в котором господствовало право. Само название книги постулирует тезис: правосудие вершилось не от имени фашистского режима, а «во имя Италии». Однако, если учесть, что за все годы фашистской диктатуры только 12 человек, кроме Паулович, оказали сопротивление режиму, подав иск против политики итальянизации (этую цифру приводит Хаметц), возникает вопрос о репрезентативности исследования, основанного на отдельно взятых фактах. Тысячи людей молчали перед лицом несправедливости, свидетелями которой они были. Это и есть, на наш взгляд, разновидность конформизма как части формируемого консенсуса.

Бездоказательность единичных свидетельств опровергает также второй тезис Хаметц, а именно: судебная власть не «прогнулась» под диктатом режима, а чувствовала себя в силе защищать права отдельных граждан. Столь смелое заявление не подтверждается приведенным автором эмпирическим материалом, который ограничивается небольшой подборкой документов из Национального архива и региональных государственных архивов. Кроме всего прочего, Хаметц приводит свидетельства того, что многие судьи и адвокаты не испытывали этических сомнений при проведении фашистской политики, исходя из чисто конъюнктурных соображений, так как реформы режима открывали большие возможности для профессионального роста. В свете этих фактов исследование Хаметц приводит к прямо противоположным желаемым автором выводам.

Одним из наиболее ярких представителей ревизионистского направления в последние два десятилетия стал британский историк К. Дагган. В монографии «Голоса фашизма: интимная история Италии Муссолини»²² он ставит в центр исследования проблему консенсуса и стремится уяснить, «как мужчины, женщины и дети воспринимали и понимали режим на уровне их эмоций, идей, ценностей, бытовых практик и ожиданий»²³, т.е. изучить восприятие фашистской идеологии снизу (как и Корнер), обрисовать «народное мнение» (он также не использует понятие «общественное мнение») на основе традиционных и менее традиционных эго-источников – мемуаристики, писем итальянцев дуче, дневников современников. Однако, в отличие от Корнера, Дагган выступает за более емкий аналитический охват, учитывающий «широкое эмоциональное поле, окружавшее фашизм». Под этим тезисом он подразумевает культ дуче, идею нового европейского порядка, колониальную экспансию, милитаризм и возрождение национального характера – последнее пользовалось большой популярностью еще до 1922 г., и фашисты опирались на эту популярность.

²⁰ Corner P. La dittatura fascista. P. 13–30.

²¹ Hamez M. In the Name of Italy: Nation, Family and Patriotism in a Fascist Court. New York, 2012.

²² Duggan C. Fascist Voices: An Intimate History of Mussolini's Italy. London, 2012.

²³ Duggan C. Il popolo del duce. Storia emotiva dell'Italia fascista. Roma; Bari, 2012. P. 9.

Данная методика позволила Даггану сделать ряд новых выводов. Во-первых, оказалось, что в дневниках лишь в единичных случаях выражался протест против фашизма и, в частности, против Муссолини (сразу отметим, что мы не знаем, как подбирались эти дневники). Во-вторых, фигура дуче занимала центральное место в эмоциональных и политических откликах на режим. Автор признает, что в изученных им источниках значительное место занимают критические замечания в отношении экономических сложностей, коррупции партийных чиновников, некоторых правительственные распоряжений, однако критика, как правило, не затрагивала личность самого Муссолини. Дагган с уверенностью утверждает, что между культом дуче, с одной стороны, и разочарованием в фашизме и ослаблением его поддержки — с другой, не существовало прямой связи. По его мнению, до середины 1942 г. в массах якобы сохранялась вера в Муссолини и его способность вывести Италию из кризиса²⁴. Одной из причин, по которым недовольство режимом не выливалось в масштабные протесты, автор называет отсутствие альтернативы. Он пытается доказать, что для большинства итальянцев возврат к парламентской демократии был практически невозможен, поскольку дискредитировавший себя либеральный режим превратился в синоним слабости, анархии и предательства мечты о возрождении величия нации, лелеемой в XIX в. деятелями Рисорджименто.

Опираясь на иные источники, чем те, которые использовал Корнер, Дагган приходит к выводу, что итальянский фашизм на самом деле не провалился на всех фронтах. Несмотря на то что режим Муссолини был крайне непопулярен во многих слоях общества, он активно поддерживался определенными группами, которые вдохновлялись радикальными утопиями дуче и способствовали их реализации. Хотя в конечном счете произошла масштабная эрозия власти, культ дуче был достаточно силен, чтобы при иных обстоятельствах предотвратить крах режима, утверждает Дагган. При этом достижения нацистской Германии как образца для подражания и ее влияние на режим не только настораживали одних итальянцев, но и способствовали радикализации других. Это не означает, что нацистская Германия принуждала фашистскую Италию подчиниться своей воле — мнение, широко распространенное в итальянских источниках, стремящихся снять вину с итальянцев, особенно в связи с антисемитскими законами 1938 г. По мнению Даггана, дело якобы обстояло наоборот: многие итальянцы были вдохновлены национал-социализмом, поскольку были очарованы его расистскими концепциями и разделяли его реваншистские идеи. В этой связи Дагган опирается на ряд источников, которые показывают, каким образом и в какой степени немецкая и итальянская диктатуры учились друг у друга и вдохновлялись опытом друг друга.

На наш взгляд, провокационные утверждения, бросающие вызов представлениям о репрессивном характере режима Муссолини, делают книги Даггана одним из самых противоречивых и далеких от действительности описаний итальянского фашизма, опубликованных зарубежными авторами в последние два десятилетия. Их появление не могло остаться незамеченным, и ответ последовал.

Разгромную рецензию опубликовал Э. Джентиле — философ, политолог, корифей современной итальянской историографии фашизма²⁵. «Почти 40 лет спустя,— пишет он,— английский историк, похоже, пришел на помочь итальянскому историку»²⁶, подтвердив существование “общего консенсуса в отношении режима через историю чувств” простых итальянцев к дуче и режиму». Этому эмоциональному консенсусу, подпитываемому главным образом мифом о дуче, Дагган приписывает некое «религиозное измерение», вызванное ритуалами и мифами режима, которое нельзя игнорировать при желании понять, «как

²⁴ Ibid. P. 15.

²⁵ Одна из самых известных его книг, выдержавших шесть изданий: *Gentile E. Mussolini contro Lenin. Roma; Bari, 2017.* Работы Э. Джентиле недавно стали известны и русскоязычным специалистам: *Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб., 2021; Его же. Фашизм. История и истолкование. СПб., 2022.*

²⁶ Имеется в виду Де Феличе.

простые люди относились к режиму». Хотя Дагган тщательно избегает понятия «политическая религия», по мнению Джентиле, он использует его интерпретационную функцию и утверждает, что, настаивая на моральном и политическом превосходстве веры и послушания над rationalностью и критическим духом, режим сумел сформировать согласие огромных слоев населения, которые до сих пор оставались чуждыми общественной жизни²⁷.

В этой связи зададимся вопросом: что нового своей «интимной историей» английский исследователь добавляет к тому, что уже было изучено в истории консенсуса, каким бы он ни был в годы фашизма? Джентиле задает еще более острый, но вполне уместный вопрос: какую репрезентативную ценность для «интимной истории» 40 млн итальянцев могут иметь 70 дневников и 30 с лишним писем простых людей, т.е. тех документов, на которые Дагган опирается в книге? Тем самым Джентиле указывает на главный методический изъян монографии – отсутствие репрезентативности, с чем нельзя не согласиться. Более того, Джентиле идет дальше, заявляя о невозможности исследовать сокровенные чувства миллионов итальянцев, что является непреодолимым препятствием для любого историка, который хочет разобраться в проблеме консенсуса в фашистском режиме.

С этим утверждением можно спорить, поскольку современные методы контент-анализа, количественные и многофакторные способы исследований в совокупности на фоне реальных событий позволяют делать выводы об умонастроениях больших групп людей даже в условиях отсутствия каких бы то ни было массовых опросов. Особая роль в таком поиске принадлежит изучению отдельных компонентов «консенсусного поля», в том числе на уровне локальной истории.

В этой связи представляет интерес книга Кейт Феррис «Ежедневная жизнь в фашистской Венеции, 1929–1940»²⁸. Исследование посвящено отношениям между режимом Муссолини и населением в отдельно взятом регионе. Как и Хаметц, автор этой монографии выделяет традиционные связи в качестве центрального элемента в жизни людей. Но на этом сходство между ними заканчивается. В отличие от Хаметц, Феррис показывает, что национализм, католицизм, милитаризм и местные традиции были использованы режимом в целях насаждения тоталитарной идеологии и мифологии. По мнению автора, в различных контекстах фашизм был интегрирован в умонастроения масс и успешно сочетался с господствовавшими системами ментальных координат. В этом процессе существующие символы и ритуалы – будь то католицизм, Римская империя, объединение Италии или Первая мировая война – переосмысливались для усвоения новых целей. В то же время фашизм позиционировал себя как современную и перспективную силу, и ему было что предложить самим разным группам населения, и в этом смысле противоречивый характер движения одновременно являлся его сильной стороной.

Методически Феррис опирается на принципы, разработанные при изучении других диктаторских режимов. Ее источники разнообразны: официальные документы, дневники, школьные сочинения, комиксы, некрологи и т.д. Этот набор позволяет затронуть ряд малоизученных сюжетов: местных фестивалей, региональных праздников, структуры потребления семей, общественных пожертвований, похоронных ритуалов и др. Феррис приходит к выводу, что степень проникновения режима в повседневную жизнь варьировалась от случая к случаю, что итальянцы при Муссолини не были бессознательными реципиентами навязанной сверху идеологии, а играли активную роль в усвоении, отвержении или адаптации нарративов, распространяемых правящей элитой. Все это объясняет, почему итальянский фашизм добился лишь частичного успеха в превращении граждан в *homines novi*. По мнению Феррис, собственно фашизм не имел существенного значения в системе начального и среднего образования (весома сомнительный, на наш взгляд, тезис, поскольку школа во второй половине 1930-х годов была окончательно фашизирована), тогда как национализм и милитаризм стали ключевыми факторами, способствовавшими росту

²⁷ Gentile E. Il duce, che emozione! // Il Sole 24 Ore. 4.V.2014.

²⁸ Ferris K. Everyday Life in Fascist Venice, 1929–1940. Basingstoke, 2012.

притягательности режима. Это видно на неожиданном примере похорон солдат, погибших во время африканских кампаний: их семьи выбирали фашистскую церемонию погребения гораздо чаще, чем семьи гражданских лиц.

Опираясь на этот и другие факты, Феррис считает, что войны, развязанные режимом, могли служить своего рода «социальным kleem» – новая постановка вопроса, поскольку ранее многие историки, независимо от принадлежности историографической школе, полагали, что война в Абиссинии в быту не имела какого-либо практического значения для широких слоев населения. На наш взгляд, это весьма противоречивое утверждение: мы не знаем, что думали родные погибших во время похорон, а выбор фашистской церемонии мог быть обусловлен чисто прагматичными соображениями. Маловероятно, что такой «социальный клей» имел скрепляющую силу: матери погибших, скорее, проклинали тех, кто отправил их детей на войну. Тем не менее монография Феррис представляет интерес для специалистов по истории «черного 20-летия», поскольку использует новый метод исследования с опорой на новый круг источников.

Такая оценка может быть отчасти применима и к монографии М. Эбнера «Обычное насилие в Италии времен Муссолини»²⁹. Судя по названию, его работа опровергает концепцию широкого консенсуса, но предложенная автором интерпретация этой проблемы отнюдь ей не противоречит. Исследование Эбнера позволяет сделать два вывода: во-первых, границы между режимом и населением были крайне размыты; во-вторых, политика преследования и дискриминации оказалась гораздо шире, чем принято считать. Аппарат насилия, созданный во второй половине 1920-х годов, был нацелен не только на борьбу с антифашистами, но и с такими «изгоями общества», как алкоголики, гомосексуалисты, душевнобольные, нищие, представители религиозных меньшинств (свидетели Иеговы) и прочие «отщепенцы», недостойные быть частью «чистой расы». Информация об их преследовании распространялась повсеместно. Таким образом, насилие, совершающееся государством в отношении своих граждан, должно было стать четким сигналом для всех итальянцев, а не только политических диссидентов. Вывод верный, но половинчатый, поскольку в этом смысле мы вправе интерпретировать факт постоянного всеохватывающего государственного насилия как превентивный элемент появления оппозиционных настроений и действий, подталкивающий человека к конформизму – обязательной части консенсуса в любом тоталитарном режиме. Тем самым концепция консенсуса не только не опровергается, но получает дополнительное подтверждение.

Особый интерес представляет творчество П. Бернхарда, который попытался обобщить историографические наработки по теме консенсуса. Он считает, что новые исследования внесли заметный вклад в расширение нашего знания о предмете, но некоторые из них не избавлены от недостатков, три из которых наиболее существенные. Во-первых, преобладание детерминистских аргументов даже у молодых ученых, методологические позиции которых не формировались на марксизме, теориях модернизации и понятии исторической необходимости. Дискуссии об итальянском фашизме чрезмерно «заботчены» его провалом, а историки уделяют избыточное внимание свидетельствам, предвещавшим последующие неудачи, упуская из виду исходные материалы, которые противоречат их тезису, объясняющему линейный ход истории. Бернхард предлагает изменить постановку вопроса и задуматься не о крахе режима, а о том, как он мог властвовать столь долго и было ли итальянское общество при фашизмедержано «в узде» чем-то большим, нежели репрессии, страх и запугивание?³⁰

Остается лишь удивляться такой постановке вопроса: многочисленные работы, которые упоминает Бернхард, так или иначе затрагивают эту тему. Их авторы, каждый со своей проблематикой, дают прямой или косвенный ответ на сакрментальный вопрос об элементах консенсуса (или их отсутствии), обогащая тем самым дискуссию в целом. Их можно было бы

²⁹ Ebner M.R. Ordinary Violence in Mussolini's Italy. Cambridge, 2011.

³⁰ Bernhard P. Op. cit. P. 161.

упрекнуть в отсутствии общих выводов об отношениях «режим – массы», но они и не ставили перед собой такой задачи. Иными словами, это не «заботочность» провалом режима и не линейный детерминизм, а секторальное углубление крупной исторической темы.

Во-вторых, Бернхард полагает, что исследователи в XXI в. слишком много внимания уделяют опровержению концепции Де Феличе, который, по его мнению, не был выдающимся ученым. Этот тезис он подтверждает развернутой критикой произвольной методики обработки автором документов, его неспособностью привнести здоровую долю скептицизма в оценки своих первоисточников, а именно: многие утверждения слабо подкреплены эмпирическими данными, цитируются документы, которые уже невозможно отследить в архивах, чрезмерное доверие историка к официальным документам (если они не содержатся в официальных источниках, то, по мнению Де Феличе, их просто не существует), использование маскировочного языка режима при описании его преступлений и т.д. Аргументация не новая, справедливые упреки в этом смысле высказывались Де Феличе и в прежние годы³¹. Призыв Бернхарда освободиться от влияния «маэстро» относится и к терминологии, которую он использует. Если термины «консенсус» и «согласие» так непоправимо «загрязнены политикой», как указывают многие авторы, тогда не лучше ли взять на вооружение термины более сильные, как, например, «участие», «включение/исключение», «интеграция» «(само)мобилизация» и т.д.?

Нужно спорить о терминах и их содержании, чтобы дискуссия велась на одном языке. Однако суть исторического феномена от этого не изменится, а научный лексикон будет засорен многообразием его обозначения. Более того, термин «участие», к примеру, имеет сильную положительную коннотацию, что сразу определяет тональность дискуссии. Вряд ли в этой замене есть научная необходимость.

В-третьих, по мнению Бернхарда, современные исследования чрезмерно сосредоточены на итальянском материале, а сходства и различия с другими странами упоминаются лишь вскользь. Чтобы подчеркнуть важность итальянского опыта для мировой истории, он предлагает выявить общие черты фашистской Италии и других режимов в сравнительной, транснациональной перспективе. Этот подход требует выхода за рамки клише, согласно которому фашистская Италия была неважным помощником всемогущего нацистского государства, поскольку такая перспектива не учитывает степени вдохновляющего воздействия Италии Муссолини на Европу и остальной мир. Как заявляет Бернхард, многочисленные исследования показали, что современные наблюдатели в США, Великобритании, Финляндии и других странах были впечатлены не только пунктуальностью, с которой ходили итальянские поезда, но и успехами дуче в мобилизации общественной поддержки режиму. Гитлер не раз подчеркивал, что Третий рейх и Италия Муссолини, которую он высоко ценил, были единственными режимами, способными привить населению непоколебимую решимость, необходимую для победы в потенциально затяжной войне с Советским Союзом. Таким образом, утверждает Бернхард, способность мобилизовать массы в широких масштабах была ключевым аспектом фашистской самоидентификации. О том, что оценка Гитлером государства Муссолини была основана не на заблуждении, свидетельствуют исследования, опубликованные Феррисом и Дагганом, которые опираются на новые источники. Обещания дуче многих не вдохновили, но он сумел добиться реального успеха в мобилизации народной поддержки, использовав традиционные механизмы социального строительства для достижения своих целей³².

Можно согласиться с Бернхардом в утверждении недостатка сравнительного анализа фашистских диктатур. Компаративные методики исследований давно доказали свою эффективность, но в современной итальянской историографии пока должным образом не вос требованы. Мы разделяем также тезис о необходимости преодоления клише об Италии как слабеньком партнере рейха и популярности режима Муссолини за рубежом в предвоенный

³¹ См.: Белоусов Л.С. Режим Муссолини: концепция консенсуса... С. 5–20.

³² Bernhard P. Op. cit. P. 154.

период. Эта тема еще ждет своих исследователей. А вот выводы о мобилизации масс, механизмах социального строительства и фашистской самоидентификации в трактовке Бернхарда не отличаются новизной. Так и хочется посоветовать автору ознакомиться для начала хотя бы с лекциями о фашизме П. Тольятти.

Итальянские историки – последователи Де Феличе, – условно причисляемые к ревизионистской школе, в начале XXI в. занимались преимущественно изучением проблем, связанных с восприятием фашистской идеологии в различных слоях общества. В работе Луки Ла Ровере «История ГУФ³³. Организация, политика и мифы фашистской университетской молодежи 1919–1943 гг.» показан процесс фашизации в студенческой среде. Ла Ровере идет дальше своего интеллектуального наставника, утверждая, что вывод Де Феличе о провале педагогической деятельности режима не соответствует действительности и что история отношений между режимом и университетской молодежью в 1930-е годы указывает на определенную эффективность работы PNF по воспитанию нового поколения фашистов-интегралистов³⁴. Университетская молодежь не только с энтузиазмом присоединилась к фашизму, но и принимала активное участие в формировании особой политической культуры, отличительной чертой которой было мистическое восприятие фашистской доктрины как ортодоксальной концепции веры. Это привело к тому, что члены ГУФ с фанатичным остервенением боролись за воплощение в жизнь принципов «революции». На этом основании Ла Ровере делает вывод об «очевидной интериоризации фашистской идеологии... и радикализации ее нормативного содержания»³⁵. Автор признает, что речь идет об относительно небольшом слое населения, но настоятельно подчеркивает высокий уровень его идеологизации и значимость, которую «фашисты первого часа» придавали эксперименту по взращиванию будущих руководителей режима. Ла Ровере приходит к выводу, что за вербальным экстремизмом, характерным для публистики ГУФ, скрывался идеологический конформизм и полное принятие постулатов режима, и в этой связи предлагает иную, отличную от Де Феличе, трактовку понятия «конформизм масс». Не пассивность, поддерживаемая внутренними и внешними успехами режима и мифом о Муссолини, а результат глубокого усвоения идеологических постулатов фашизма и веры в созданные им мифы. В этом Ла Ровере предлагает видеть ключ к пониманию опыта «ликторского поколения», т.е. выросшего при фашизме. Более того, члены ГУФ не могли и не пытались преодолеть стереотипы фашизированного мышления. Потеря веры в фашизм означала бы для них не только отказ от политической доктрины, но лишение всей системы жизненных ориентиров. Поэтому новый правящий класс, пришедший во второй половине 1930-х годов на смену «фашистам первого часа», решительно взялся за насаждение постулатов режима путем интенсификации методов сакрализации политики и вербовки масс³⁶.

Принципиальной новизны в концепции Ла Ровере по сравнению с работами историков-ревизионистов, занимавшихся проблемами воспитания молодежи в годы режима, нет. Есть новые источники: некоторые университетские издания ГУФ, некоторые новые материалы молодежных конференций («ликторских чтений») и проч. При этом автор игнорирует другой процесс, вызревавший в среде студенческой молодежи в конце 1930-х годов, – постепенного разочарования в фашизме и роста поначалу официальной, а впоследствии реальной фронды, приведшей тысячи студентов в ряды партизан в годы Сопротивления³⁷. И это не столько методический изъян, сколько присущее некоторым историкам-ревизионистам игнорирование фактов, не укладывающихся в их концептуальное построение.

Схожие идеи содержатся в книге С. Дуранти «Дух единства». Автор подвергает сомнению распространенный в левой историографии тезис о постепенном перерождении

³³ ГУФ – Университетские фашистские группы.

³⁴ La Rovere L. Storia dei GUF. Organizzazione, politica e miti della gioventù universitaria fascista 1919–1943. Torino, 2003. P. 8.

³⁵ Ibid. P. 10.

³⁶ Ibid. P. 397.

³⁷ Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. С. 295–298.

университетских фашистских объединений в центры антифашистского сопротивления. Более того, именно ГУФ, по его мнению, оставались чуть ли не последними крепостями, защищавшими чистоту фашистской идеологии от ее «мелкобуржуазного» размывания³⁸. Абсолютизация этого процесса – главный методический недостаток работы Дуранти.

Таким образом, представители ревизионистского направления в историографии в начале текущего века на основе новых источников и методов исследования выдвинули ряд неординарных и далеко не всегда достаточно фундированых тезисов о характере и формах консенсуса в итальянском обществе в годы фашизма. Все они шли в русле концепции Де Феличе, хотя некоторые из авторов заявляли о несогласии с теми или иными утверждениями «маэстро». Прочность занимаемых историками-ревизионистами позиций дает основание предполагать, что дискуссия о консенсусе будет продолжена и сохранит прежнюю остроту.

Постревизионистское направление представлено рядом недавно вышедших работ преимущественно итальянских авторов. Их весьма условно объединяет стремление свести воедино две крайние позиции и выработать некое сбалансированное отношение к биному «фашизм – общество», преодолев устоявшуюся формулу «насилие vs согласие».

И снова в роли научного провокатора выступил П. Бернхард. В язвительной, но стимулирующей к дальнейшему научному поиску обзорной статье он рассмотрел несколько англоязычных исследований, посвященных взаимоотношениям режима Муссолини с массами, и сравнил их с историографией нацистской Германии. Результат сравнения прозвучал провокационно и вызывающе: большая часть историографии итальянского фашизма устарела. Бернхард считает подход к оценке привлекательности режима Муссолини старомодным, вследствие чего итальянские историки якобы сильно недооценили позитивное восприятие фашизма простыми итальянцами и их соучастие в насилии и военных преступлениях тех лет. Кроме того, он утверждает, что в истории нацистской Германии и фашистской Италии было гораздо больше параллелей и пересечений, чем признавалось прежде³⁹.

В попытке прийти к какому-то общему знаменателю американский исследователь фашизма Р. Пергер проанализировала работы двух уже известных нам историков-антагонистов: Корнера и Бернхарда. Она обратила внимание на парадоксальный факт: «глядя на подход Бернхарда и историка, которого он резко осуждает, Пола Корнера, поражает то, что, хотя оба, по сути, движимы схожим моральным импульсом, он ведет их в противоположных направлениях. Оба стремятся не упустить из поля зрения тех, кто несет ответственность за фашизм, и оба реагируют на то, что, по их мнению, является стремлением историков принизить истинную силу движения Муссолини. Для Корнера... это означает подчеркивание насилистенного, репрессивного и коррумпированного характера правления Муссолини, а не его способности мобилизовать массы... Бернхард критикует Корнера за недооценку участия и мобилизации общества в тоталитарном проекте расового возрождения и территориальной экспансии и преувеличения тем самым слабости и неудачи фашизма»⁴⁰.

Жестко критикуя Корнера, Бернхард опирается на последние исследования в Германии, делающие упор на мобилизации масс. Для него подчеркивание принуждения позволяет массам избежать порицания. Для Корнера, напротив, подчеркивание консенсуса дает возможность режиму избежать наказания. Эти различия в подходе к одной проблеме являются результатом не личных предпочтений авторов, а выражением двух принципиально различных позиций в историографии.

Пергер делает попытку объяснить эту историографическую схватку. Она полагает, что реальность народной поддержки, варьирующейся от одобрения и мобилизации до уступчивости и пассивного участия, нуждалась в признании, и многие историки фашистской Италии стремились изучить данный феномен в то время, когда наука о нацизме еще не была

³⁸ Duranti S. *Lo spirito gregario*. Roma, 2008. P. 32.

³⁹ Bernhard P. Op. cit.

⁴⁰ Perger R. The Ethics of Consent-Regime and People in the Historiographies of fascist Italy and Nazi Germany // Contemporary European History. 2015. № 24 (2). P. 310.

к этому готова. Они анализировали фашистскую идеологию, технологию организации и проведения массовых действий, зачастую представляя проявления чувств как «политическую религию» с тоталитарными амбициями. В поле их зрения были новые, созданные режимом возможности для маргинализированных групп, а также его усилия по привлечению интеллектуалов с целью донести свои идеи до масс. Эти историки сумели показать, как режиму удалось привлечь итальянцев из всех слоев общества к реализации некоторых своих проектов⁴¹.

Однако Пергер видит определенную опасность в подобном подходе, поскольку ключевые тезисы сторонников Де Феличе оставались фоном для тех исследований, которые были сопряжены с риском представить режим в безобидном виде. Доминирующий антифашистский нарратив, осуждающий режим, но оправдывающий «хороший итальянский народ», спасал фашизм посредством логики, согласно которой «хорошие люди» не могли поддерживать плохой режим. При этом антифашистский дискурс активно использовал тезис, которым не могли воспользоваться немцы: есть кто-то хуже нас. Возможность представить Муссолини безвредным или некомпетентным деятелем появлялась на фоне Гитлера. То, что априори было верно для итальянских историков-антифашистов и международных исследователей с печатью Ханны Арендт, оставалось верным для Де Феличе и его последователей: Италия выглядела как меньшее зло. Это давало возможность проводить различие между умеренным (итальянским) и радикальным (немецким) фашизмом и говорить о консенсусе в случае первого. Историки-ревизионисты использовали это сравнение, чтобы обелить часть преступлений, совершенных фашистским режимом. Однако появились исследователи — Бернхард один из них, — стремившиеся разрушить миф о меньшем зле. Они подчеркивают преступления фашистов и сравнивают Италию с Германией, указывая на схожесть стилей правления, экспансионистских проектов, расового мышления и методов оккупационной политики.

Это означает, что постревизионистская школа предлагает некий «усредненный» подход к оценке воздействия режима Муссолини на общество и определению особенностей консенсуса. Такая интерпретация дает возможность уйти от крайних оценок и радикальных выводов. Она нацелена на более глубокий анализ сложных и парадоксальных взаимосвязей между оппозицией и согласием, принуждением и консенсусом. Историография итальянского фашизма в XXI в. формировалась именно в этом направлении. Она берет в качестве отправной точки сложившееся в годы режима парадоксальное силовое поле, на котором согласие и принуждение были неразрывно связаны и переплетены⁴². По мнению Пергер, для многих итальянцев фашистское насилие на фоне успехов режима было «желанным» и, следовательно, «консенсусным», но в любой форме оно было «картефактом» навязчивого и насильтственного характера режима Муссолини⁴³. В этом утверждении с Пергер нельзя не согласиться.

К постревизионистской школе может быть причислено немало современных исследований в Италии. Их подавляющее большинство относится к секторальным исследованиям консенсуса среди отдельных групп населения. Такой подход представляется продуктивным, поскольку в конечном счете эта мозаика так или иначе складывается в некую общую, но довольно пеструю картину.

М. Леоне анализировала природу консенсуса в женской среде. Она объясняет позднее обращение специалистов к данной теме неким «ощущением неловкости, поскольку она противоречила феминистскому фидеизму в отношении женщин»⁴⁴. В этой связи уместно вспомнить более раннюю работу М.А. Маччокки⁴⁵, которая изучала консенсус среди жен-

⁴¹ Подробнее см.: *Пергер Р., Альбанезе Дж.* Из истории исследований итальянского фашизма и германского нацизма: режим, общество и проблема согласия // Берегиня 777 Сова. 2016. № 4 (31). С. 72–87.

⁴² В этом контексте работа Л.С. Белоусова «Режим Муссолини и массы», впервые изданная 25 лет назад, является одной из первых.

⁴³ *Perger R.* Op. cit. P. 314.

⁴⁴ *Leone M.* Il fascismo e l'universo femminile. Verona, 2017. P. 8.

⁴⁵ *Macciocchi M.A.* La donna nera. Milano, 1976.

щин с точки зрения психоанализа. По ее мнению, женщины восприняли патриархальную фашистскую модель путем бессознательного механизма мазохистского типа как следствие сексуального подчинения. Так объяснялось установление отношений между женщиной и мужчиной-вождем, хозяином семьи, жены и детей. Однако женщинам – «ангелам домашнего очага» по терминологии фашистов – впервые предлагалось выйти в общественное пространство через созданные режимом женские организации. Таким образом, фашистская повестка в этом вопросе имела двойственный характер: с одной стороны, она была направлена против женской эмансипации, с другой – на мобилизацию слабого пола⁴⁶.

Женский мир отвечал на призывы режима консенсусным поведением: изрядной долей конформизма и восприятием риторики о великом дуче и «матери расы». Женщины, в основном из средних слоев, признавали в фашизме систему, отвечающую их потребностям, и таким образом оказывались частью консенсуса. Когда же режим превратился в причину лишений, женский консенсус испарился, показав свою истинную природу: не абсолютный, а относительный, pragmatичный, обусловленный ожиданиями и стремлениями женщин⁴⁷. Такова концепция Манччокки, идущая в русле идей постревизионистской школы, хотя сформулированная много раньше ее появления. Леоне концептуально разделяет взгляды предшественницы, но подчеркивает, что консенсусные настроения среди женщин отличались более сложной мотивацией и поэтому требуют многофакторного анализа.

А. Кальотти изучил взаимодействие фашизма, ученых и общества на частном, но показательном примере трансформации метеорологических служб в годы режима. Он полагает, что научное сообщество pragmatically использовало фашистскую идеологию в корпоративных интересах⁴⁸. В этом состоял побудительный мотив сотрудничества ученых с режимом. Конкуренция за финансирование, доступ к данным, за модернизацию научной инфраструктуры предопределили борьбу за расположение дуче. Муссолини выполнял многие требования ученых, поэтому мобилизация научного сообщества происходила в фашистской Италии скорее снизу вверх, нежели в процессе насилиственного насаждения. Превращению науки в «фашистскую» больше способствовала адаптация к режиму поведенческих моделей ученых, нежели выбор ими направлений исследований. Такое взаимодействие науки и фашизма выходило далеко за рамки военных целей режима и глубоко проникло в «нормальную науку»⁴⁹. Таким образом, концепция и выводы Кальотти укладываются в представление о pragmatичном консенсусе, типичном для женщин и иных категорий граждан.

А. Гальядри, еще один заметный представитель постревизионистской школы, анализируя очевидное противоречие между пропагандистским контентом фашистского кино и распространенной в 1930-е годы в Италии поп-культурой голливудского кинематографа, приходит к новому для историографии выводу об их гармоничном взаимодействии. Несмотря на то что большинство сюжетов в развлекательном кино (образы женщин, личного пространства, буржуазного комфорта) контрастировали с насаждавшимися фашизмом «ценностями», а часть партийных иерархов и церковь пытались с ними бороться, в течение всего фашистского периода они мирно сосуществовали на экранах кинотеатров с официальными новостными журналами Луче. Гальядри проанализировал предпочтения зрителей и радиослушателей на основе данных, собиравшихся специализированными журналами. Выбор итальянцев был однозначен – легкая музыка и комедии⁵⁰.

Автор приходит к выводу о формировании в период фашизма «массовой культуры», которая занимала значительную часть общественного пространства между культурой официальной и неофициальной, сохранявшейся в обществе с дофашистских времен.

⁴⁶ Ibid. P. 114.

⁴⁷ Ibid. P. 122.

⁴⁸ Caglioti A.M. Scienza e società fascista: il caso della meteorologia // Il fascismo italiano. Storia e interpretazioni / a cura di G. Albanese. Roma, 2021. P. 166.

⁴⁹ Ibid. P. 388.

⁵⁰ Gagliardi A. “Educare” o intrattenere? Propaganda, mass media e cultura di massa // Il fascismo italiano. P. 275.

В результате распространения средств массовой информации отличия в стереотипах мышления различных социальных категорий населения нивелировались, а «действия медийных структур совпадали с усилиями режима по национальному «воспитанию»». Более того, как утверждает автор, расширение влияния культурно-развлекательной индустрии оказывало стабилизирующие воздействие на политическую систему в целом. Развлекательное кино было востребовано обществом, приводило к ослаблению социального напряжения и возникновению консенсусного отношения к способам проведения досуга, предоставляемым режимом⁵¹. В итоге общество как «фашистская нация» и общество как публичное пространство сближались и пересекались. Гальярди впервые выявляет и оценивает эту связь на примере кинематографа, и в этом научная ценность его исследования.

Хорошо известный и весьма авторитетный среди итальянских историков Ф. Кордова предлагает рассматривать консенсус наравне с явно выражаемым несогласием, поскольку только путем их сравнительного анализа можно выявить размах и мотивы обоих⁵². В этом ключе он показывает, что сотрудничество с режимом сулило бизнесу большие экономические преимущества. Муссолини мастерски владел инструментом приручения крупных предпринимателей и не испытывал иллюзий относительно искренности поддержки ими его политики. Автор доказывает, что выраженный консенсус либеральных промышленников Пирелли и Аньелли обусловливался защитой интересов собственного бизнеса, а не принятием фашистской идеологии. И еще одно замечание Кордова: при изучении консенсуса необходимо особо учитывать сложившиеся задолго до прихода фашизма к власти социальные отношения. На юге страны фашистам пришлось с трудом встраиваться в малоподвижную иерархию общества, находить общий язык с местной буржуазией, державшей в своих руках экономическую и политическую власть, устанавливать связи с локальной бюрократией. Без этого формирование консенсусных настроений и управление регионом было невозможно. Согласившись с Кордова в столь очевидном утверждении, отметим, что за прошедшие три десятка лет с последней встречи одного из авторов с Кордова ученый проделал путь от яркого представителя прогрессивно-демократической школы⁵³ до постревизиониста – путь, типичный для многих представителей противостоящих друг другу историографических лагерей.

Таким образом, подчеркнем еще раз: в первое двадцатилетие XXI в. в зарубежной историографии итальянского фашизма появились работы, базирующиеся на новых методах исследования и высевающие иные, чем прежде, ракурсы консенсуса. Оставаясь в рамках трех направлений, их авторы приходили к новым, порой парадоксальным и даже провокационным выводам в оценке отношений фашистского режима и общества в период «черного 20-летия». Дискуссии о консенсусе обострились. Однако данные, впервые введенные в научный оборот, и результаты основанных на них исследований не изменили представление о характере и динамике консенсуса, сформулированное в первом издании книги одного из авторов четверть века назад.

Библиография / References

Белоусов Л.С. Режим Муссолини и массы. М., 2000.

Белоусов Л.С. Режим Муссолини: концепция консенсуса в современной историографии // Новая и новейшая история. 2024. № 6. С. 5–20. DOI: 10.31857/S0130386424060017

Джентиле Э. Политические религии. Между демократией и тоталитаризмом. СПб., 2021.

Джентиле Э. Фашизм. История и истолкование. СПб., 2022.

Пергер Р., Альбанезе Дж. Из истории исследований итальянского фашизма и германского нацизма: режим, общество и проблема согласия // Берегиня 777 Сова. 2016. № 4 (31). С. 72–87.

Филатов Г.С. Крах итальянского фашизма. М., 1973.

⁵¹ Ibid. P. 273.

⁵² Cordova F. Il consenso imperfetto: quattro capitoli sul fascismo. Soveria Mannelli, 2010. P. X.

⁵³ См., например: Cordova F. Le origini dei sindacati fascisti. Roma; Bari, 1974.

- Belousov L.S.* Rezhim Mussolini i massy [Mussolini's regime and the masses]. Moskva, 2000. (In Russ.)
- Belousov L.S.* Rezhim Mussolini: konsepciya konsensusa v sovremennoj istoriografii [Mussolini's Regime: the Concept of Consensus in Modern Historiography] // Novaya i Novejshaya Istoryya [Modern and Contemporary History]. 2024. № 6. S. 5–20. DOI: <https://doi.org/10.31857/s0130386424060017> (In Russ.)
- Dzhentile E.* Fashizm. Istorya i istolkovanie [Fascism. History and interpretation]. Sankt-Peterburg, 2022. (In Russ.)
- Dzhentile E.* Politicheskie religii. Mezhdu demokratiej i totalitarizmom [Political religions. Between democracy and totalitarianism]. Sankt-Peterburg, 2021. (In Russ.)
- Filatov G.S.* Krakh ital'yanskogo fashizma [The collapse of Italian fascism]. Moskva, 1973. (In Russ.)
- Bernhard P.* Renarrating Italian Fascism: New Directions in the Historiography of a European Dictatorship // Contemporary European History. 2014. № 23 (1). P. 151–163.
- Caglioti A.M.* Scienza e società fascista: il caso della meteorologia // Il fascismo italiano. Storia e interpretazioni / a cura di G. Albanese. Roma, 2021. P. 166. P. 161–186.
- Cannistraro P.V.* La fabbrica del consenso. Fascismo e mass media. Milano, 2022.
- Cordova F.* Il consenso imperfetto: quattro capitoli sul fascismo. Soveria Mannelli, 2010.
- Cordova F.* Le origini dei sindacati fascisti. Roma; Bari, 1974.
- Corner P.* Italia Fascista. Politica e opinione popolare sotto la dittatura. Roma, 2015.
- Corner P.* L'opinione popolare nell'Italia fascista degli anni Trenta // Il consenso totalitario. Opinione pubblica e opinione popolare sotto il fascismo, nazismo e comunismo / a cura di P. Corner. Roma; Bari, 2012. P. 127–155.
- Corner P.* La dittatura fascista. Consenso e controllo durante il Ventennio. Roma, 2017.
- Corner P.* The Party and the People: Totalitarian States and Popular Opinion // Contemporary European History. 2015. № 24 (2). P. 303–308.
- Duggan C.* Fascist Voices: An Intimate History of Mussolini's Italy. London, 2012.
- Duggan C.* Il popolo del duce. Storia emotiva dell'Italia fascista. Roma; Bari, 2012.
- Ebner M.R.* Ordinary Violence in Mussolini's Italy. Cambridge, 2011.
- Ferris K.* Everyday Life in Fascist Venice, 1929–1940. Basingstoke, 2012.
- Gagliardi A.* "Educare" o intrattenere? Propaganda, mass media e cultura di massa // Il fascismo italiano. Storia e interpretazioni / a cura di G. Albanese. Roma, 2021. P. 255–279.
- Gentile E.* Il duce, che emozione! // Il Sole 24 Ore. 4.V.2014.
- Gentile E.* Mussolini contro Lenin. Roma; Bari, 2017.
- Hametz M.* In the Name of Italy: Nation, Family and Patriotism in a Fascist Court. New York, 2012.
- La Rovere L.* Storia dei GUF. Organizzazione, politica e miti della gioventù universitaria fascista 1919–1943. Torino, 2003.
- Leone M.* Il fascismo e l'universo femminile. Verona, 2017.
- Macciocchi M.A.* La donna nera. Milano, 1976.
- Pergher R.* The Ethics of Consent-Regime and People in the Histriographies of fascist Italy and Nazi Germany // Contemporary European History. 2015. № 24 (2). P. 309–315.